

В. З. САННИКОВ

РУССКИЙ СИНТАКСИС

*в семантико-прагматическом
пространстве*

В. З. САННИКОВ

РУССКИЙ СИНТАКСИС
*в семантико-прагматическом
пространстве*

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР
МОСКВА 2008

ББК 81.2Рус-3

С 18

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ),
проект № 07-04-16129

Санников В. З.

С 18 Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. —
М.: Языки славянских культур, 2008. — 624 с. — (Studia philologica).

ISSN 1726-135X

ISBN 978-5-9551-0236-8

В книге рассматриваются в семантико-прагматическом аспекте некоторые сложные общие вопросы русского синтаксиса. Основное место занимает анализ русских сочинительных и подчинительных конструкций, а также «промежуточных» — сравнительных конструкций — в их взаимосвязи с этими двумя основными типами русских синтаксических конструкций. Рассматриваются и другие важные нерешенные проблемы — чередования в синтаксисе, иллюкативное употребление языковых единиц и т. д. В заключение рассматривается использование синтаксических единиц в языковой игре и делаются лингвистические наблюдения, из этого использования вытекающие.

Книга рассчитана на специалистов-лингвистов и студентов филологических факультетов.

ББК 81.2Рус-3

*В оформлении переплета использована фотография из книги
В. Черепанова «Деревянное кружево Красноярья» (Красноярск, 1986)*

Владимир Зиновьевич Санников

**РУССКИЙ СИНТАКСИС
В СЕМАНТИКО-ПРАГМАТИЧЕСКОМ
ПРОСТРАНСТВЕ**

Издатель А. Кошелев

Зав. редакцией М. Тимофеева

Корректор Е. Сметанникова

Оригинал-макет и художественное оформление переплета А. Санникова

Подписано в печать 20.03.2008. Формат 60×90 1/16.

Бумага офсетная № 1, печать офсетная. Гарнитура Minion Pro.

Усл. печ. л. 41. Тираж 800. Заказ №

Издательство «Языки славянских культур», № госрегистрации 1037789030641.

Тел.: 607-86-93. E-mail: Lrc@comtv.ru Site: <http://www.lrc-press.ru>, <http://www.lrc-lib.ru>

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

© Санников В. З., 2008

© Языки славянских культур, оригинал-макет, 2008

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	15
Введение	19
Часть первая	
ОБЩИЕ ВОПРОСЫ РУССКОГО СИНТАКСИСА	29
Глава 1. Об интроспекции и эксперименте в лингвистических исследованиях.	31
§ 1. Об интроспекции.	31
§ 2. О лингвистическом эксперименте	32
§ 3. Языковая игра как лингвистический эксперимент	35
Глава 2. Конъюнкция, дизъюнкция, импликация в логике и в естественном языке	39
§ 1. Число элементов высказывания	41
§ 2. Неравноценность элементов высказывания, его смысловое богатство	42
§ 3. Размытость границ между конъюнктивными, дизъюнктивными и имплицативными конструкциями	43

§ 4.	Размытость границ между конъюнктивными и дизъюнктивными конструкциями и между другими конструкциями языка	44
§ 5.	«Чисто конъюнктивный» союз <i>и</i> , «чисто дизъюнктивный» союз <i>или</i> и «чисто имплицативный» союз <i>если</i> в их соотношении с логическими связками	45
5.1.	<i>И</i> и логическая связка &	45
5.2.	<i>Или</i> и логическая связка \vee	46
5.3.	«Истина» в логике и «правда» в сочинительных конструкциях языка	48
5.4.	<i>Если</i> и логическая связка \neg	50
Глава 3.	Иллокутивные употребления и синтаксический эллипсис.	53
§ 1.	Объем и границы иллокутивных употреблений	57
§ 2.	«Кандидаты» в иллокутивные употребления	59
	I тип. «Собственно» иллокутивные употребления	59
	II тип. Конструкции «предупредительного поведения»	61
	III тип. Конструкции обоснования	63
	IV тип. Спорные случаи	65
§ 3.	Некоторые итоги. Иллокутивные употребления или синтаксический эллипсис?	66
Глава 4.	О чередованиях в синтаксисе (к проблеме альтернологии)	71
§ 1.	«Основные» и «дополнительные» синтаксические средства	72
§ 2.	Чередования в морфологии и синтаксисе.	73
§ 3.	Примеры синтаксических чередований. Чередования «комбинаторные» и «исторические»	74
§ 4.	Чередования в морфологии и синтаксисе: различия между ними	78
§ 5.	Какие из морфологических характеристик могут подвергаться чередованиям?	81
§ 6.	Альтернология и понятия «управление» и «согласование»	83

§ 7. Об отображении синтаксических чередований в формальных моделях русского языка.	84
§ 8. О соотношении понятий «чередование», «морфонология», «синтморфонология».	86
§ 9. О списке русских синтаксических чередований	87
§ 10. Краткие итоги	88

Глава 5. Конструкции пролептические и смежные с ними	89
§ 1. Обособленно-атрибутивные конструкции	90
§ 2. Собственно пролептические конструкции	94
§ 3. Спорные случаи	98
Идентифицирующие конструкции с частицей <i>это</i>	99
Конструкции с частицей <i>вот</i>	100

Часть вторая

СОЧИНИТЕЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ	103
----------------------------------	------------

Глава 1. Синтаксис сочинительных конструкций	109
§ 1. Типы однородности сочиненных членов	110
1.1. Два значения термина «однородность»	110
1.2. Типы однородности сочиненных членов	111
1.3. Лексико-семантическая однородность	111
1.4. Коммуникативная однородность	119
1.5. Прочие типы однородности	122
1.6. Типы сочинительных конструкций.	123
§ 2. Об основной структурной особенности сочинительных конструкций	123
§ 3. Правила сочетаемости сочиненных членов	126
3.1. Три вида сочинения: сочинение предложений, сочинение членов предложения, сочинение предложения и члена предложения	126
3.2. Правила сочетаемости членов предложения	132
§ 4. Согласование сказуемого с сочиненными подлежащими	148

4.1. Факторы, определяющие согласование сказуемого с сочиненными подлежащими по числу и роду	151
4.2. Согласование сказуемого с сочиненными подлежащими по лицу	160
4.3. Правила чередования характеристик рода, числа и лица сказуемого при сочиненных подлежащих	162
§ 5. Расположение сочиненных членов во фразе и их взаиморасположение	165
5.1. Иконичный порядок сочиненных членов	167
5.2. Конвенциональный порядок сочиненных членов	169
Глава 2. Общая характеристика семантики сочинительных конструкций	173
Глава 3. Значение разделительных союзов	185
§ 1. Семантика разделительных союзов	186
1.1. Разделительные союзы в утверждениях.	186
Союз <i>или</i> и «наивная картина мира»	191
«Конъюнктивное <i>или</i> » и « <i>или</i> приблизительного количества».	196
1.2. Некоторые особенности семантики и функционирования разделительных союзов в вопросах, побуждениях и обещаниях	226
§ 2. Прагматика разделительных союзов	230
2.1. Утверждения	231
2.2. Вопросы	238
2.3. Обещания и побуждения	240
Глава 4. Значение соединительных союзов	243
§ 1. Семантика соединительных союзов	244
1.1. «Противительные» союзы и частицы <i>но</i> (стр. 244); <i>а</i> (стр. 265); <i>да-1</i> (стр. 276); <i>же</i> (стр. 278); <i>только</i> (стр. 278); <i>и то-1</i> (стр. 280); <i>а то (а так)</i> (стр. 282); <i>так</i> (стр. 283)	244

1.2. «Собственно соединительные» союзы и (стр. 284); а также (стр. 290)	284
1.3. Союз «компенсации» зато	291
1.4. Союз со значением «неожиданности» да и-1	294
1.5. Союзы, указывающие на отклонение от нормы по количеству и... и (стр. 297); ни... ни (стр. 300); как... так и (стр. 302); да-2 (стр. 303); и то-2 (стр. 307)	297
1.6. «Градационные» союзы не столько... сколько (стр. 309); скорее... чем (стр. 310); не то чтобы... но <a> (стр. 312); не только... но и (стр. 314); не то что... (а), (а) не то что (стр. 315); да и-2 (стр. 316)	309
§ 2. Замечания о прагматике соединительных союзов	318
2.1. Вопросы	319
2.2. Побуждения	320
2.3. Обещания	321
§ 3. Сочинение разнородных речевых актов	321
Глава 5. Значение заместительных союзов	329
§ 1. Семантика заместительных союзов.	329
§ 2. Прагматика заместительных союзов	334
Глава 6. Значение бессоюзных сочинительных конструкций	337
§ 1. Семантика бессоюзных сочинительных конструкций	341
§ 2. Прагматика бессоюзных сочинительных конструкций	345
2.1. Разделительные отношения в вопросах.	345
2.2. Разделительные отношения в побуждениях.	346
Глава 7. Обзор основных элементов значения сочинительных конструкций	349
Глава 8. Конструкции с тождественными словоформами (КТС)	361

§ 1. Редупликация — морфология? словообразование? синтаксис?	363
§ 2. Основные синтаксические характеристики КТС	364
§ 3. Основные семантические группы КТС	365
3.1. <i>Весело, весело было</i>	366
3.2. <i>Весело-весело было</i>	370
3.3. <i>Он рос и рос</i>	373
3.4. <i>Снег да снег кругом</i>	375
3.5. <i>Я верил и не верил.</i>	375
3.6. <i>Бывают аварии и аварии</i>	376
3.7. <i>Ну, медведь и медведь</i>	377
3.8. <i>(Ну), упал и упал</i>	378
3.9. Повторы вопросительных местоимений	378

Часть третья

СРАВНИТЕЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ 383

Глава 1. Синтаксические и прагматические особенности сравнительных конструкций	389
§ 1. Типы однородности сравниваемых членов: функциональная и лексико-семантическая	389
§ 2. О смысловой близости сочинительных и сравнительных конструкций.	391
§ 3. О правилах сочетаемости сравниваемых членов	393
§ 4. О структурной близости сочинительных и сравнительных союзов	394
§ 5. Структурное различие между сочинительными и сравнительными конструкциями.	395
Глава 2. Формальное представление сочинительных и сравнительных конструкций	397
§ 1. Существующие способы представления сочинительных конструкций	397
§ 2. Предлагаемый способ представления сочинительных и сравнительных конструкций	399

Часть четвертая
ПОДЧИНИТЕЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ
(условные и уступительные)

	405
Глава 1. Конструкции с союзом <i>если</i>	407
§ 1. Основные употребления союза <i>если</i> . Уточнение темы исследования	408
§ 2. Статус союза <i>если</i>	409
§ 3. «Условное» <i>если</i>	410
§ 4. «Сопоставительное» <i>если</i>	425
§ 5. Употребления, промежуточные между «условным» <i>если</i> и «сопоставительным» <i>если</i>	429
§ 6. <i>Если</i> «уступительное» — особое значение союза?	431
Глава 2. Конструкции с союзом <i>раз</i>	435
§ 1. О возможных путях возникновения союза <i>раз</i>	437
§ 2. Толкование союза <i>раз</i>	439
Глава 3. Конструкции с союзом <i>пускай / пусть</i>	445

Часть пятая
РУССКИЙ СИНТАКСИС
В ЗЕРКАЛЕ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ

	455
Глава 1. Синтаксис простого предложения	459
§ 1. Темо-рематическая структура	459
§ 2. Номинативные, предикативные и автономные употребления	460
§ 3. Ложная связь между событиями.	462
§ 4. Подлежащее	463
§ 5. Сказуемое	464
§ 6. Модели управления.	465
§ 7. Симметричные предикаты	469
§ 8. Комитативные конструкции.	470
§ 9. Определительные и атрибутивные конструкции	471
§ 10. Обстоятельство	477
§ 11. Обращение	483
§ 12. Приложение	486

§ 13. Синтаксическая омонимия.	487
§ 14. Синтаксическая компрессия	495
§ 15. Согласование	498
15.1. Согласование по лицу и роду.	499
15.2. Семантическое согласование элементов фразы	504
15.3. Согласование в случае «несобственных значений» морфологических форм	512
§ 16. Вопросительные конструкции	528
16.1. Общие, альтернативные и специальные вопросы	528
16.2. Псевдovoпросы	530
16.3. Экзаменационные вопросы	534
16.4. Пушкин-вопрос	534
§ 17. Анафорическое отношение	535
§ 18. Повторы	540
§ 19. Порядок слов	543
§ 20. Парцелляция	545
§ 21. Вкрапление чужеродных элементов.	545
§ 22. Синтаксические мелочи	548
Глава 2. Синтаксис сложного предложения	555
§ 1. Сочинительные конструкции	555
§ 2. Сравнительные конструкции	567
§ 3. Конструкции, включающие метафору или метонимию	573
§ 4. Подчинительные конструкции (условные и уступительные).	578

Приложение

МЕСТО РАСПРОСТРАНЕННОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПО ОТНОШЕНИЮ К ОПРЕДЕЛЯЕМОМУ СЛОВУ В РУССКОЙ ФРАЗЕ

585

§ 1. Факторы, влияющие на выбор места распространённого определения.	587
--	-----

§ 2. Соотношение между факторами. Способы определения места распространенного определения.	593
Указатель рассматриваемых союзов и частиц	599
Литература	601

ПРЕДИСЛОВИЕ

В эту книгу включены некоторые из моих работ — работы, описывающие синтаксис современного русского языка. Почти все они были опубликованы, но, судя по частой цитируемости, видимо, не утратили своей актуальности. Между тем они помещены зачастую в малодоступных (в том числе западных) изданиях. Поэтому представлялось целесообразным собрать их в одной публикации.

Естественно, я не включил в книгу работы по морфологии и словообразованию современного русского языка, а из работ, описывающих специфическое, «игровое» использование языковых единиц, взяты лишь разделы, посвященные синтаксису. Причина — стремление избежать пестроты содержания.

По этой же причине книга (за двумя исключениями) включает лишь работы последних десятилетий. Чтобы это объяснить, придется коснуться моей научной биографии. Дело в том, что предыдущие двадцать лет (с 1955 по 1975-й год) я специализировался по истории русского и других восточнославянских языков и работал в Секторе сравнительно-исторического изучения восточнославянских языков Института русского языка АН СССР. Однако после подписания писем протеста против политических преследований в СССР и отказа выразить «чистосердечное раскаяние» Ф. П. Филин, Л. И. Скворцов и их соратники-коммунисты решили, что «вредна история русского языка для меня», и я был вынужден пе-

реквалифицироваться, перейдя из Института русского языка АН СССР в Институт «Информэлектро» Министерства электротехнической промышленности. Здесь сведения об аористе, плюсквам-перфекте, древнерусском синтаксисе не были предметом первой необходимости. Терпели (со скрипом) исследования по машинному переводу и современному русскому языку. Не буду лукавить: кардинальная смена направления исследований не стала для меня трагедией, загадки современного языка интересовали меня и раньше (две ранних статьи на эту тему помещены и в этой книге).

Приводимый в книге иллюстративный материал собран в 1976–2006 гг., преимущественно из текстов русской художественной литературы. В соответствии с имеющимся пониманием современного русского литературного языка (см., напр., Панов 1981: 11), я описываю русский язык XX в., но привожу также и примеры, относящиеся к более раннему периоду, — если они не противоречат резко нормам языка II половины XX и начала XXI века. Все примеры, взятые из грамматик, картотек, а также из трудов других исследователей, специально оговариваются.

Я, естественно, не мог, да и не хотел вносить в ранее опубликованные работы мнения (зачастую интересные и справедливые) других, более поздних исследователей — тем более, что многие из них ссылаются на мои работы или полемизируют с ними. Моя полемика с этими исследователями приводила бы к замкнутому кругу.

Изменения в моих ранее опубликованных работах, как правило, заключаются в исправлении явных ошибок, опечаток, стилистической правке, композиционных изменениях и в сокращениях. Одно из сокращений имеет принципиальный характер, и на нем необходимо остановиться подробнее. Поскольку данная работа задумана как теоретическая, резко сокращена по сравнению с предыдущими публикациями «формальная», «прикладная» часть, которая в предшествующий период развития нашей лингвистики считалась равноценной (если не превалирующей) в исследовании современного языка. Любое теоретическое положение о строении современного языка должно было быть формализовано или хотя бы формализуемо. Этот подход отразился в некоторых моих ранних работах, и, отдавая дань прошлому, в Приложении я полностью, без изменений,

я привожу одну из этих работ — «Место распространенного определения по отношению к определяемому слову в русской фразе» (ВЯ, 1963, № 1). Впрочем, другим (наверное, более веским) основанием для ее помещения в этой книге является то обстоятельство, что она включала некоторые лингвистически содержательные наблюдения, да и в плане общетеоретическом, видимо, небезынтересна.

Книга состоит из пяти частей.

В I части рассматриваются некоторые сложные общие вопросы русского синтаксиса — синтаксические чередования, иллокутивное употребление языковых единиц и т. д.

Во II части, самой большой по объему, детально анализируются сочинительные конструкции.

В III части рассматриваются «промежуточные» — сравнительные — конструкции в их взаимосвязи с двумя основными типами русских синтаксических конструкций — конструкциями сочинительными и подчинительными.

IV часть посвящена рассмотрению некоторых подчинительных конструкций (условных и уступительных).

В V части рассматривается «игровое» использование языковых единиц — там, где оно синтаксически значимо и нередко позволяет обнаружить синтаксические явления, которые могли бы остаться незамеченными.

Приложение посвящено одному частному вопросу — месту распространенного определения в русской фразе.

Поскольку отдельные части работы публиковались в разное время, в разных издательствах, возможен некоторый разнобой в технических способах подачи материала.

* * *

На протяжении долгих лет я пользовался дружеской критикой и советами моих близких и моих коллег, которые приняли активное участие в обсуждении работы или отдельных ее частей. Это Н. Д. Арутюнова, В. А. Белошапкина, Анджей Богуславский, И. М. Богуславский, Т. В. Булыгина, М. В. Всеволодова, Л. Л. Иомдин, Е. В. Красильникова, Л. П. Крысин, С. М. Кузьмина, А. В. Лазурский, Е. В. Падучева, О. В. Санникова, И. Фужерон, Е. Н. Ши-

ряев и многие, многие другие. Автор приносит им глубокую благодарность. Особенно многим я обязан Ю. Д. Апресяну, чьей дружеской поддержкой и советами я пользовался на всех стадиях работы над книгой, а также моему сыну Андрею Санникову, который сыграл исключительную роль при подготовке книги к печати и сверстал ее.

* * *

Некоторые части работы были выполнены при финансовой поддержке РГНФ (проекты № 94-06-19655, 04-04-00263а) и РФФИ (проект № 04-07-90179). Издание книги «Русский язык в зеркале языковой игры» (М., 1999), отдельные разделы которой я здесь помещаю, осуществлено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 98-06-87086).

ВВЕДЕНИЕ

1. Тематика книги заставляет, хотя бы бегло, коснуться моего понимания соотношения синтаксиса, семантики и прагматики языковых единиц. Это понимание было изложено в книге, посвященной синтаксису русских сочинительных конструкций [Санников 1989], и с незначительными изменениями приводится ниже.

После работы Чарлза Морриса [Morris 1938] получает все большее распространение и в настоящее время может считаться общепринятым трехчастное деление семиотики (и, в частности, лингвистики) на «синтактику» («синтаксис»), «семантику» и «прагматику». Моррис отмечает, что характеристика языка (L) учитывает три измерения по простой формуле: $L = L_{\text{син.}} + L_{\text{сем.}} + L_{\text{прагм.}}$ [Моррис 1983: 46]. *Синтактика* изучает «формальные отношения знаков друг к другу», *семантика* — «отношения знаков к их объектам», *прагматика* — «отношения знаков к их интерпретаторам», то есть действующим лицам процесса речи [Там же: 42].

В качестве примера попытаемся применить моррисовское трехчастное деление к нашему языковому материалу. Рассмотрим, например, сочинительную конструкцию с союзом *или*:

Он подарил Коле книгу или журнал.

— В прагматическом описании, учитывающем говорящего и слушающего, их отношение к сообщаемому и друг к другу, мы отметим, что: говорящий признается, что он не знает полной правды об описываемой ситуации, но считает, что и эта неопределен-

ная информация полезна для слушающего, поскольку в условиях общения нет источника более точной информации.

— В семантическом описании «мы отвлекаемся от тех, кто пользуется языком, и анализируем только выражения и их десигнаты» [Karnar 1974: 17]. Мы отметим, в частности, что в рассматриваемом примере каждый из компонентов возможен (возможно, он подарил книгу, возможно, он подарил журнал).

Указанные сведения семантического и прагматического характера индуцированы именно сочинительным союзом *или* и должны быть включены в его толкование. Об этом свидетельствует тот факт, что при замене в обсуждаемом примере союза *или* на союз *и* (*Он подарил Коле книгу и журнал*) перечисленные семантические и прагматические компоненты значения утрачиваются.

— В синтаксическом описании, «отвлекаясь» как от говорящих, так и от объектов, к которым относятся знаки, мы исследуем формальные отношения знаков друг к другу, то есть, в частности, отметим, что: сочиненные члены однофункциональны (и то, и другое — «прямое дополнение»); они согласованы по части речи (S) и по падежу (вин. пад.); один из них (книгу) располагается перед сочинительным союзом, другой — после него; отметим, что за отдельными исключениями, которые должны быть оговорены особо, сочиненные члены не могут разделяться другими словами (ср.: ¹Он подарил книгу Коле или журнал¹). И т. д.

Разумеется, сведения, приведенные выше при разборе данного примера, крайне приблизительны и упрощены, вопрос о границе между синтаксисом, семантикой и прагматикой остается спорным, однако само это разделение вряд ли может вызывать сомнения. В работе, посвященной развитию прагмалингвистики в странах Восточной Европы, Й. Пруха отмечает, что коммуникативно-прагматический компонент уже включен лингвистами ГДР в описание системы современного немецкого языка; среди чехословацких лингвистов широко распространена убежденность в необходимости изучения прагматических аспектов языковой системы и комплексного рассмотрения синтаксических, семантических и прагматических компонентов (см. Prucha 1983; цит. по: РЖ. сер. 6, 1985, № 6, с. 21–22).

¹ Грамматически неправильные фразы обозначаются звездочкой слева вверху, а сомнительные — одним или двумя вопросительными знаками.

Что касается русского языка, то можно утверждать, что в целом синтаксис языковых единиц изучен лучше, чем их семантика, а семантика — лучше, чем их прагматика. Данная работа имеет предварительный характер и не закрывает эту брешь, однако мы надеемся, что она будет способствовать решению проблемы, поскольку принципиальная установка нашей работы — рассмотрение русских языковых единиц (союзов и синтаксических конструкций) во всех трех аспектах: синтаксическом, семантическом и прагматическом¹.

2. Еще недавно место семантики, ее границы рисовались достаточно неопределенными. Так, Дж. Катц и Дж. Фодор определяли семантику следующим образом: «Семантика — это лингвистическое описание минус грамматика» [Katz, Fodor 1963: 172; цит. по: НЗЛ, х: 236]. Дж. Д. МакКоли отмечал, что этот тезис означает, по существу, что «семантика понимается прямо-таки как бесформенное крошево» [МакКоли 1981: 236]. По мере разработки семантики ее задачи и ее границы становились достаточно определенными, роль своеобразной «свалки» перешла к новой области лингвистики — прагматике².

Вслед за Б. Ханссоном [Hansson 1974] и некоторыми другими исследователями мы будем использовать достаточно широкое понимание прагматики, включающее как прагматику «высшего уровня» (теория речевых актов), так и прагматику «низшего уровня» (изучение прагматических элементов значения языковых единиц). Неправомерность широко распространенного сведения прагматики к теории речевых актов осознается многими исследователями

¹ В последнее время особый интерес вызывает лингвистика текста — новая область, характеризующаяся стремительным развитием, граничащим с «атмосферой некоторого „бума“» [Николаева 1978: 5]. Поскольку текст — это множество предложений (или высказываний), то для его изучения необходимо, казалось бы, выход за пределы одного предложения (или высказывания), а это расширение традиционных рамок лингвистического анализа связано с большими трудностями, это — путешествие в *terra incognita*. Поэтому правомерна (по крайней мере, на современном этапе) попытка исследования закономерностей текста на материале одного (главным образом, сложного) предложения [Katz, Fodor 1963]. На материале русского сложного предложения этот подход развивается в обстоятельном исследовании М. В. Ляпон [1986], основной задачей которого является изучение «текстовых свойств сложного предложения». «Выступая, с одной стороны, как знак отношения, сложное предложение, с другой стороны, заключает в себе своего рода «контекстуальный квант», ограниченный собственными рамками» [Ляпон 1986: 9].

² Ср. призыв Бар-Хиллела «соблюдать осторожность в обращении с прагматической мусорной корзиной» [Bar-Hillel 1971; цит. по: НЗЛ, хvi: 394].

(по преимуществу лингвистами). Т. В. Булыгина отмечает, что «существует огромное количество языковых единиц, в содержание которых наряду с семантическими элементами инкорпорированы прагматические..., а некоторые (даже, *-то* и др. — *Даже Иван пришел, Иван-то пришел*) имеют исключительно прагматическую природу» [Булыгина 1981: 340]. Русские союзы (и подчинительные, и сочинительные) относятся к числу языковых единиц, в содержание которых «инкорпорированы» прагматические элементы.

В связи с этим в данной работе, как и во многих других, семантика и прагматика языковых единиц зачастую объединяются под термином «значение».

На нашем понимании значения языковых единиц, способах его определения и описания остановимся несколько подробнее.

Наиболее яркое (хотя, по-моему, сильно преувеличенное) представление о сложности проблемы — высказывание Л. Витгенштейна:

Мы должны описать крайние тонкости, которые мы <...> абсолютно не в состоянии описать нашими средствами. Мы чувствуем себя так, будто мы должны своими пальцами привести в порядок разорванную паутину.

Попробуем все-таки это сделать.

3. Широко распространено ошибочное представление о смысловой «дефектности» союзов (и других «служебных» слов), об отсутствии у служебных слов лексического значения или о «простоте», «элементарности» этого значения. Отсюда неточность, «обобщенность» многих имеющихся в русистике толкований союзов. Зачастую эти толкования представляют собой либо общие классифицирующие характеристики типа «условный союз», «разделительный союз», «условно-разделительный союз», либо указания синонимичных союзов или выражений. Эти указания нередко недостаточно точны (так, союз *а то и* определяется в [БАС] как синоним союза *или, или же*, что явно не так — ср.: Он вернется *через 5, а то и 6 дней* — Он вернется *через 5 или 6 дней*); толкующие выражения (такие, например, как «иначе», «а на самом деле», приводимые в [БАС] в качестве толкований союзов *а то, не то, а не то*) сами подчас имеют сложное значение и нуждаются в толковании.

Представление об элементарности значения союзов широко распространено и в теоретической семантике 60–80-х гг. Некото-

рые союзы объявляются элементарными единицами, вообще не нуждающимися в толковании¹. Так, Х. С. Серенсен полагает, что союзы (*и, если... то, или... или* и т. д.) характеризуются «весьма большой семантической простотой» [Sørensen H. S. *Word-classes in Modern English*. Copenhagen, 1958; цит. по: Семиотика: 236]. Анна Вежбицка сомневается в справедливости этого мнения [Вежбицка 1983: 236—237]. Анализ русских союзов убеждает в том, что эти союзы (даже так называемые «основные» — *если, и, или*) имеют достаточно богатое значение и, бесспорно, нуждаются в толковании.

4. Анализ описываемых ситуаций, учет истинностных значений может облегчить нахождение правильных толкований, однако результаты этого анализа требуют чрезвычайно осторожного обращения. Прямое отображение ситуаций в толкование может привести к ошибке. Ведь фраза *Думаю, здесь близко река или озеро* истинно и в том случае, если поблизости есть два озера (ср. ответную реплику: *Да, здесь два озера*), а просьба *Принеси бутылку водки* будет, очевидно, выполнена и в том случае, если принесены две бутылки водки. Не будем же мы на этом основании включать в толкование фраз *Здесь близко река или озеро; Принеси бутылку водки* указание на возможную множественность предметов (рек, бутылок)!

Разумеется, анализ ситуаций действительности может обогатить семантическое исследование, его ни в коем случае нельзя квалифицировать как опасного врага, однако безоговорочно записывать его в друзья, которым можно слепо доверять, тоже не следует. Р. Джекендофф прав, когда он пишет: «Естественный язык непосредственно связан именно с проецируемым, а не реальным миром. В связи с этим «истинность» и «референция» в традиционном понимании не могут считаться центральными понятиями семантики естественного языка» [Jackendoff 1983; цит. по: РЖ, сер. 6, № 5, М., 1985, с. 45].

5. Чрезвычайно интересен вопрос о взаимодействии значений единиц, составляющих предложение, особенно «правила

¹ «Стремление определить слишком многое — не меньший грех, чем недостаточные определения, ибо и то и другое ведет к неясности, которой мы как раз и хотели избежать» (Arnauld A. et Nicole P. *La Logique ou l'art de penser*. P., 1965, p. 90–91; цит. по: Семиотика: 229).

сложения смыслов, дающие не сумму смыслов, а новые смыслы» [Щерба 1931: 68].

Изучение взаимодействия значений только еще начинается. Одним из первых шагов в этом направлении была разработка понятия, обозначаемого обычно терминами «семантическое согласование (или согласованность) элементов значения предложения» [Гак 1971; Булыгина 1980: 343; Степанов 1981: 250 и сл.] или «семантическая связность текста» [Апресян 1974: 13 и сл.]. «Текст семантически связан, если в лексических значениях синтаксически связанных слов имеются повторяющиеся смысловые компоненты; если ни для одной пары связанных друг с другом слов это правило не соблюдено, текст семантически не связан» [Апресян 1974: 14–15].

Понятие семантической связности текста Ю. Д. Апресян иллюстрирует примером *Хороший кондитер не жарит хворост на газовой плите*, который (в силу многозначности входящих в него слов) имеет 72 принципиально возможных прочтения. Лишь одно из них является оптимальным и естественным, и оно с легкостью выбирается всяким человеком, владеющим русским языком, — именно на основании закона, диктующего выбор такого осмысления данного предложения, при котором «повторяемость семантических элементов достигает максимума» [Апресян 1974: 14].

На примере морфологических значений Т. В. Булыгина показывает, что «понятие семантической согласованности элементов существенно и для грамматических значений ... — по-видимому, даже в большей степени, чем для лексических» [Булыгина 1980: 344]. Это замечание справедливо и по отношению к значениям синтаксическим. Естественно, далее, что в тексте должны быть согласованы значения лексические с значениями грамматическими (морфологическими и синтаксическими). Примером такого согласования могут служить сочинительные конструкции типа *Она красивая, но глупая*, где желательность одного компонента и нежелательность другого передается и лексическими значениями этих компонентов, и союзом *но*.

Нарушение семантического согласования ведет к языковой неправомерности. В качестве иллюстрации рассмотрим союз *и то*, в значение которого входит компонент 'меньше нормы':

- (1) Вино подают за обедом, *и то по рюмке* [= 'редко и в малых количествах'].

Рассмотрим теперь две модификации фразы (1):

(2) *Вино подают за обедом, *и то по большой рюмке.*

(3) Вино подают за обедом, *и то по стакану.*

Фраза (2) неправильна, поскольку смысл союза *и то* (указание на малое количество) не согласуется со смыслом прилагательного *большой*.

Любопытно, что фраза (3) правильна, поскольку «все формальности здесь соблюдены» (эксплицитного указания на большое количество нет), — хотя по существу эта фраза более противоречива, чем (2) (стакан больше, чем рюмка, даже большая).

Смысл, содержащийся в (2) можно передать и с помощью союза *и то*, но эксплицитно указав на имеющееся смысловое противоречие:

(4) Вино подают за обедом, *и то по рюмке, правда, большой.*

Однако взаимодействие значений не сводится к семантической согласованности элементов. Н. Н. Леонтьева [1965; 1967] отметила, что, кроме тенденции к дублированию смысла, создающей избыточность, в языке действует противоположно направленная тенденция к сокращению повторяющейся части смысла, в частности, семантическая компрессия: *банка, сделанная из меди* → *банка из меди*. Ю. Д. Апресян [1974] использует при описании сходных явлений термин «семантическая гаплогогия». Это хорошо согласуется с интересными наблюдениями А. М. Пешковского: «Язык не применяет одновременно всех своих средств, ... т. е. тут действует закон экономии сил...»; и далее: «когда вопросительное понимание гарантировано специальными вопросительными словами, интонация вопроса опускается как излишняя. Напротив, когда она одна создает вопрос, она, естественно, применяется в максимальной степени» [Пешковский 1956: 49].

Приведем еще один пример (с конкретизатором *все-таки*), где большая полнота согласованности достигалась бы естественной для противопоставления постановкой союза *но*:

(6) ...в старом Кельне тоже есть собор,
Неконченный *и все-таки* прекрасный.

(О. Мандельштам. Реймс и Кельн).

Противопоставленность компонентов обозначена в (6) дважды: 1) лексическим составом компонентов (противопоставление универсально нежелательного — *неконченный* и универсально желатель-

ного — *прекрасный*); 2) лексемой *все-таки*. Дополнительное дублирование этого смысла (например, употреблением вместо союза *и* союза *но*) выглядело бы здесь несколько назойливым: бессмысленно укреплять контрфорсами здание, и без того имеющее большой запас прочности.

6. В качестве метода описания значения языковых единиц мы используем их толкование (см. Апресян 1974; Падучева 1974; Падучева 1985; Вежбицка 1983). Язык толкований называют обычно семантическим языком. Поскольку, однако, этот термин не учитывает другую важную сторону языкового знака — его прагматику, предпочтительнее, видимо, говорить о «языке толкований», или о «прагмасемантическом языке», или о «языке значений».

При такой постановке вопроса вид языка толкований имеет первостепенное значение. Большинство логиков и часть лингвистов считают, что языком толкований должен быть *формальный язык*, использующий символику языков логики. Некоторые лингвисты (см. в особенности Wierzbicka 1980) и логики (ср. Витгенштейн 1985) считают (и мы полностью разделяем их мнение), что языком толкований должен быть *естественный язык*. Если язык — «окно в мышление» [Парти 1983: 302], «если семантика ... призвана воспроизвести структуру человеческого сознания, то она не может использовать аппарат, чуждый таковому сознанию» [Вежбицка 1983: 225].

Итак, языком толкования должен быть естественный язык. Однако, для того, чтобы он мог выполнить свою задачу, он должен быть «упорядочен» (ср. Апресян 1974: 70–77; Вежбицка 1983: 226; Падучева 1985: 18–19). Словарь языка толкований «во-первых, ... значительно меньше по объему; во-вторых, в нем нет ... синонимии и омонимии имен значений — явлений, которые богато представлены в естественных языках» [Апресян 1974: 76].

Насколько далеко можно идти при сокращении объема словаря при выработке языка толкований? Анна Вежбицка считает, что здесь нельзя останавливаться на полпути, что необходимо «довести минимизацию (*reduction*) до конца, до тех пор, пока она не дойдет до таких составляющих человеческих высказываний, которые уже просто не могут быть подвергнуты дальнейшему разложению» [Вежбицка 1983: 226]. По мнению А. Богуславского, эти неопределимые элементы как раз и должны представлять собой те «предель-

ные составляющие мира», те «элементы человеческой мысли», которые уже более трех веков ищут философы¹. Лингвисты включились в поиски элементарных семантических единиц лишь в XX в., однако именно они внесли решающий вклад в решение этой проблемы. Анна Вежбицка в фундаментальном труде, специально посвященном рассматриваемому вопросу [Wierzbicka 1972], впервые дала пусть небесспорный, пусть предварительный, но полный и тщательно продуманный список элементарных смыслов (включающий 14 единиц), доказав практическую осуществимость этого грандиозного предприятия, значение которого для лингвистики невозможно переоценить.

Однако толкования, строящиеся из столь ограниченного числа элементов, неизбежно становятся достаточно громоздкими. Поэтому на практике, при толковании единиц языка, исследователи (в том числе и сама Анна Вежбицка²) пользуются единицами, которые не являются семантически элементарными. Мы также в данной работе будем использовать при построении толкований не мельчайшие «кирпичики» — элементарные единицы, а гораздо более крупные блоки.

В данной работе принимается понимание толкования, разработанное Ю. Д. Апресяном: «мы будем понимать под толкованием единицы X предложение на ограниченном и стандартизованном языке, построенное с соблюдением следующих требований: (а) оно должно быть в точности синонимично толкуемой единице X; (б) оно должно сводить толкуемый смысл к более простым смыслам...; (в) эти более простые смыслы должны быть настолько крупными, насколько это возможно без нарушения требования (б): последнее условие значит, что толкуемую единицу X следует сводить к ее «непосредственным семантическим составляющим», а не к мельчайшим неопределяемым словам — смыслам» [Апресян 1980: 20].

Еще один важный вопрос связан с мерой полноты толкования языковой единицы: должно ли оно включать лишь те признаки, которые отличают ее от всех остальных единиц языка

¹ Ср.: «Алфавит человеческих мыслей» Г. В. Лейбница, представляющий собой «каталог тех [понятий], которые мысленно представимы сами по себе и посредством комбинации которых возникают остальные наши идеи» (цит. по: Вежбицка 1983: 229).

² См., напр., Wierzbicka 1979: 315 и др.

(принцип «минимального толкования» Е. Бендикса — см.: НЗЛ, XIV, с. 27)¹, или же в толкование должны входить не только дифференциальные семантические признаки, но все признаки, в частности «интегральные» [Толстой 1968; Шмелев 1969: 15], «ассоциативные», или «потенциальные» [Шмелев 1969: 26; Гак 1971: 382], а также «факультативные» [Апресян 1974: 124–125, 148].

Некоторые исследователи семантики русских языковых единиц вводят в толкование лишь дифференциальные признаки [Левин 1970]. В данной работе предпринимается попытка дать максимально богатое и детальное описание семантики и прагматики широкого круга русских союзов (около 50 союзов). В случаях колебаний мы предпочитали включать спорные элементы, чтобы избежать риска упустить важные компоненты значения того или иного сочинительного союза.

7. Положение, что толкуемой единицей должно быть не отдельное взятое слово (р), но слово в словосочетании или в предложении (х р у) (см., напр., Апресян 1974: 97–99), по отношению к союзам представляется бесспорным (недаром в толковых словарях русского языка толкование союзов включает указание на «связываемые предложения или члены предложения» и на «отношения» между ними).

Предлагаемые нами толкования не формальны. «Пока не разработана полная семантическая модель естественного языка, пока делается радикальная попытка разрешить загадку семантической системы, любая попытка формализации только затемнила бы картину и затруднила бы, если не сделала невозможным, понимание» [Вежбицка 1983: 246]. Наши толкования — это скорее материал для формальных толкований.

Что касается методов анализа материала, то основными из них являются интроспекция и лингвистический эксперимент, о роли которых мы будем подробно говорить в главе 1 первой части.

¹ Данная точка зрения восходит, видимо, к концепции Аристотеля, согласно которой «каждый объект должен распознаваться через множество его существенных свойств (различительных признаков), а случайные свойства объекта (избыточные признаки), вносящие незначительный вклад в наше знание об объекте или не вносящие ничего, могут без всякого ущерба игнорироваться» (НЗЛ, XIV: 134).